

ЧЕРНОБЫЛЬ

ПОЛЫНЬ

ГОРЬКАЯ

Николай
Свительский

Николай Свительский

Чернобыль – полынь горькая

«Эдитус»

2019

Свительский Н.

Чернобыль – полынь горькая / Н. Свительский — «Эдитус»,
2019

ISBN 978-5-00149-180-4

Автобиографическая повесть Николая Свительского – щемящая душу история, которая навсегда останется в сердцах тех, кто прочитает эту книгу. Да и кого может оставить равнодушным история ребёнка, прошедшего все ужасы военного и послевоенного времени? История страны, где нельзя гордиться своими корнями, своей национальностью. Малоизвестный факт о жизни поляков на оккупированных территориях заставляет задуматься. Говорят, война спишет всё. Но всё ли? Как найти оправдание жестокости, несправедливости, лжи и подлости? В этой книге много недосказанного. Много потому, что вопросы маленьких детей, брошенных в жерло войны остались без ответа... Бездомных, голодных и озлобленных их было так много, что казалось, на земле остались одни они, брошенные, никому не нужные. Но пришло время ответить на их вопросы. И некоторые ответы здесь, в этой книге. Идею книги можно выразить словами: «Важно не то, кем ты работаешь, какая у тебя профессия, должность, а то, о чем ты думаешь, о чём вспоминаешь».

ISBN 978-5-00149-180-4

© Свительский Н., 2019

© Эдитус, 2019

Содержание

Запахи	8
Польская дорога	18
Война	22
Немцы, кто они	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Свительский

Чернобыль – полынь горькая

...А найдется ли оправдание миру, нашему счастью и даже вечной гармонии, если во имя этого, для прочности фундамента, будет пролита хотя бы одна слезинка невинного ребенка? Слезинка эта не оправдает ни один прогресс, ни одну революцию. Ни одну войну.
Фёдор Достоевский

Запах – чернобыль (полынь)

Птица – аист (бусел)

Человек – думающий.

A handwritten signature in cursive script, likely belonging to the author, Nikolai Svitskiy.

Ранним летним утром вдоль главной улицы Львова по тротуарам прогуливалось много нарядных людей, преимущественно женщин, в дорогих платьях и в больших, украшенных цветами шляпах. Это были поляки, проживающие в городе. Они встречали своих.

Первой шла кавалерия. Все кони одинаковой масти и необыкновенной красоты. Кавалеристы в мундирах тёмно-синего цвета с ярко-красной отделкой, с блестящими в лучах солнца пуговицами. На головах – поражающие своей необычностью и красотой конфедератки. Встречали польских уланов.

Там, среди них, был младший подофицер (застепповый) Казимир Стаховский, в будущем мой отец. Стоявшие на тротуарах нарядные женщины бросали уланам цветы. Где то среди этих разодетых в красивые одежды женщин находилась и Ганна Жуковска, в будущем моя мать, уроженка города Львова, одного из красивейших городов Европы.

Шёл 1918 год.

В 1935 году Казимир Стаховский и Ганна Жуковска вместе с детьми, Антоном и Ядвигой, по настоянию моего дедушки, переехали в Житомирскую область в родной край – Полесье. Дедушка был мудрым провидцем. 22 сентября 1939 года во Львов пришла СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.

Те, кто не уехали, столкнулись с советскими буднями – репрессии, депортация. Новая власть постоянно грозила арестом только за то, что ты был тем, кем был. Счет арестованных пошёл на тысячи. И хотя на тот момент советских солдат увидели далеко не во всех городах и сёлах Западной Украины, в восточных областях было спокойнее.

Станислав Стаховский не мог нарадоваться переезду сына с семьёй в родной дом. Рада была и Кристина приезду брата. Она так и осталась жить с отцом оберегая его от горестей и недуга.

За два года до моего рождения рядом с домом дедушки был построен ещё один, так что я родился уже в нашем доме. Отец мой, Казимир Стаховский, уже давно не польский улан, а

простой сельский учитель. И мать моя, Ганна Жуковска-Стаховская, о Львове даже не вспоминает.

Запахи

Я люблю наш дом и порой мне кажется, что я помню своё рождение в нём. Мне уже четыре года и я думаю о доме как о живом существе, глажу его белые стены, полы из гладко выструганных досок. Отец с Антоном натирают их пчелиным воском, специально приготовленным дедушкой. Я люблю сидеть на полу и гладить ладонями натёртые до зеркального блеска доски.

– Чувствуешь, какой запах? Мёдом пахнет, – смеётся дедушка.

У нас с Антоном своя комната, у Ядвиги, сестры моей, своя. Мать с отцом спят в самой большой, с окнами в сад. А ещё у нас большая белая печь. Зимой я люблю спать на печи. – Печь лечит, – говорит дедушка.

– Как она лечит, дедушка? – спрашиваю я.

– Когда ты заболел, мать укладывала тебя на середину печи, прямо на черень, а сверху ещё укрывала одеялом, и болезнь отступала.

Дедушка много чего знает и рассказывает мне, а я слушаю и запоминаю.

– Вот ты ногу проколол на стерне прошлым летом, и образовался нарыв на ступне, а я тебе нарыв этот смазал дёгтем и нарыв прорвался, дёготь вытянул всю гадость из него. Ты помнишь?

– Да, дедушка, я помню. Мне сразу стало так хорошо.

– Вот ты вырастешь и будешь знать, что это и есть лекарство народное.

Я вырасту и узнаю, что народное лекарство – дедушкин дёготь – станет «мазью Вишневского», но уже не лечащей так хорошо, как дедушкин дёготь.

Дедушка гнал дёготь из берёзовой коры и смазывал им колёса телеги. Дом наш из тёсаных брёвен, посеревших от времени и дождей. Дранка на крыше тоже посерела и стала тёмной.

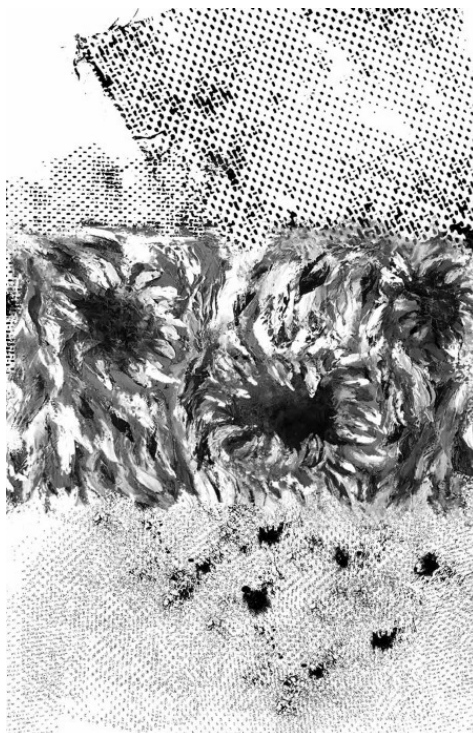

– Природа сама придала дереву цвет и защиту, – говорит дедушка проводя ладонью по выпуклым брёвнам.

Двор огорожен струганными жердями. В конце двора стоит гумно, покрытое соломенной крышей, рядом пристройка для лошади и коровы.

– А почему в хлеву место для лошади есть, а лошади нет? – спрашиваю я отца.

– Лошадь забрали в колхоз, у всех, не только у нас, – вздыхает отец.

– Теперь она в колхозной конюшне, вместе с другими лошадьми, – отец улыбнулся, – и от неё уже потомство есть. Вороной красавец. Антон его «Орликом» назвал.

– Отец, я хочу увидеть «Орлика», можно?

– Конечно увидишь, – смеётся отец поднимая меня своими сильными руками к самому потолку.

– Ты же у меня вот какой большой!

На другом конце двора стоит гумно, покрытое соломенной крышей, с пристройками для лошади и коровы. Дальше, до самого оврага, заросшего густым ольшанником, тянется огород. Летом в огороде чего только не растёт – картошка, капуста, горох, кукуруза, помидоры, огурцы, мак и конопля, а по краям подсолнухи. Больше всего я люблю подсолнухи, их желтые, склоненные к земле головы, в которых столько вкусных семечек.

А ещё я люблю запах полыни...

Она густо растёт по всей меже. Я ложусь, подминаю её мягкие пахучие стебли и смотрю в небо. Под белыми пушистыми облаками кружат вороны. Они каждый раз прилетают с одной и той же стороны. Меня обволакивает густой запах и какие-то тревожные видения. Слышу голос матери:

– Антон, посмотри Бронека, наверное, он лежит в чернобыли.

– Да, вот он, мама!

Я обнимаю Антона за шею и спрашиваю:

– Почему полынь называют чернобылью?

– Не знаю, надо спросить у дедушки, – задумавшись, говорит Антон.

На краю огорода, ближе к дому, стоит старый дуб. На самой верхушке гнездо бусела.

К дедушке я хожу почти каждый день. Его дом через межу от нашего. К нему примыкает большой сад. Там много яблок и груш, а по краям стоят старые липы – дедушка их посадил, когда был ещё молодым. А ещё в саду стоят улья.

– Совсем как маленькие домики, – говорю я дедушке.

– Это и есть домики, для пчёл, – соглашается дедушка.

– Пора наведаться к нашим пчёлкам-кормильцам.

Он берёт уже приготовленный дымарь, надевает на голову соломенную шляпу с сеткой и направляется к ульям.

Я сижу у окна и мне хорошо видно как дедушка, подойдя к улью-домику, открывает крышку и направляет в него дымарь. Густой дым обволакивает открытый улей. Потом дедушка вынимает двумя руками из улья рамку: она вся покрыта пчёлами. Дедушка аккуратно щёткой сгребаёт с рамки пчёл обратно в улей и опять направляет в него дымарь.

Я боюсь пчёл и не подхожу к ульям. Дедушка знает и говорит мне:

– Пчелы редко нападают, если только их не растревожить.

– А как их можно растревожить?

– Ну, например, рядом нельзя резко взмахивать руками, тряпкой или палкой.

Нельзя трогать пчеломатку.

– Пчелиную мать?

– Да, пчелиную мать, она у них как царица. И когда она вместе с роем покидает улей, то у пчелиного роя только одна забота – защищать пчеломатку. А если случайно поранить пчеломатку, или что ещё хуже – убить её, то рой может напасть на человека.

– А как узнать матку? Она же среди пчёл, а их много?

– У неё брюшко длиннее, и цветом она отличается от остальных пчёл.

Дедушка лукаво усмехается:

– Однажды, когда я открывал улей, пчеломатка села мне на руку, и тут же мою руку облепил пчелиный рой. Я стоял с вытянутой рукой, но пчёлы не обращали на меня внимания, они просто закрывали жужжащей шапкой свою мать... Я спокойно подошёл к улью, стряхнул в него рой, и пчёлы успокоились.

А ещё я люблю слушать рассказы дедушки про бусела. Прежде чем начать рассказ, дедушка набивает трубку табаком и при помощи лучинки, зажженной в печи, не спеша раскуривает её:

– Бусел – это Божья птица, большой грех ее обижать. А клочок бусела, когда он задирает свой большой клюв в небо – это молитва бусела. Он летает над землёй, собирает по болотам всякую нечисть, очищает нашу землю.

Дедушка умолкает, чтобы раскурить угасающую трубку, смотрит на меня с улыбкой, продолжает свой рассказ:

– На зиму буселы улетают на самый край света, где, искупавшись в чудесном озере становятся людьми, а весной, окунувшись в другое озеро вновь превращаются в птиц и возвращаются к нам в свои гнезда. Часто буселов называют человеческими именами: Бенедикт, например. У нас, поляков, значит «Благословенный».

– Дедушка, а можно мы своего бусела назовём Антоном?

– Как твоего брата. Конечно можно. Антони – польское имя, и у поляков означает «Бесценный». Твоё имя – Бронислав, у нас – «Славный защитник». Потеребив усы, дедушка добавляет:

– Так что ты, внучек, теперь наш славный защитник.

– Дедушка, а буселы сами себе гнездо построили?

– Сами, но мы им помогли. Однажды буселы прилетели и стали кружить над нашим огородом, а потом сели на верхушку дуба. Долго там сидели, пощипывая себя. Клокотали задирая клювы к небу, а потом улетели. Твой отец вместе с Антоном приладили на верхушке дуба старое колесо от телеги. Понатыкали в него сухих веток – получилось гнездо.

– И буселы вернулись?

– А то как же! Вернулись и с тех пор каждый год прилетают в своё гнездо – это их дом...

– И они никогда не покинут своё гнездо?

– Буселы покидают своё гнездо только в предчувствии беды, – вздохнул дедушка.

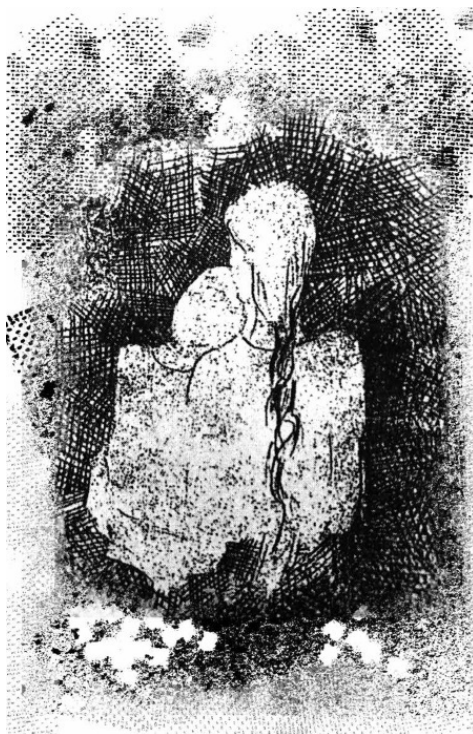
Утром, едва проснувшись я выбегаю во двор и смотрю на верхушку дуба: в гнезде стоят на своих тонких, как тростинки ногах два бусела и клокочут, задрав к небу большие клювы. Их клочок похож на удары палки об палку.

Запах молозива – самое осязаемое, самое ясное воспоминание детства! Я почти физически ощущаю его, слышу нежное и слабое мычание только что родившегося телёночка, который лежит возле печи на разостланной дерюжке, покрытой соломой, чтобы не прилипало тельце.

Мать суетится у печи, ласково приговаривая:

– Ну вот и хорошо, теперь тебе уютно и тепло, и мама твоя довольна, слышишь, разговаривает с тобой!

Из хлева доносится мычание коровы «Зорьки».

За окном зима, мороз расписал красивыми узорами стекло в окне. Я стою на широкой лавке возле окна, дышу на стекло и в оттаявшем кружочке вижу снежные сугробы вдоль нашего забора, отца и брата Антона. Они расчищают двор от снега. Из будки тихо повизгивая выглядывает «Волчок». Наверное, ему холодно.

– У него густая шерсть и ему совсем не холодно, – успокаивает меня мать, – дедушка подошьёт твои валенки и ты выйдешь к «Волчку».

Мама всё замечает, даже то о чём я думаю.

Дедушка, как всегда зимой, делает заготовки к маслобойкам. Скорее бы он подшил мне валенки.

Дни слагались в недели. Недели в месяцы. Зиму сменяла весна, весну сменяло лето...

Я просыпаюсь от ярких лучей, проникающих сквозь белые занавески в окне. В комнате, где мы спим с Антоном, дверь открыта и я смотрю как мать отодвигает заслонку в печи. Мне видно её особое выражение на лице и я догадываюсь – будут пироги с яблоками. В нашем доме всегда пахнет горячим хлебом и пирогами.

Я люблю лето. Подбегаю к открытому настежь окну, смотрю на густые кусты усыпанные маленькими цветочками. За кустами розовые пионы, яркие настурции, бархатцы-чернобривцы... Их много и комната наполняется необыкновенными запахами.

– Ты любишь лето, потому что сам летний, – говорит мать, как будто прочитав мои мысли.

– Через неделю тебе будет четыре годика и к нам приедут из Львова твои крестные, дядя Юзеф и тётя Сабина, – говорит она прижимая меня к себе.

Я радуюсь, что скоро увижу своих крёстных. Выбегаю во двор к «Волчку». Он тычется мордой мне в грудь, даже лизнул в щеку. Шерсть у «Волчка» густая и тёплая, а глаза как у человека.

К нам подошёл Антон, погладил «Волчка».

– А почему мы зовём его «Волчком»? – спрашиваю я у Антона.

– Потому, что он похож на волка. Видишь какая у него шерсть, и он такой же серый как волк.

– А ты видел живого волка?

- Видел, в прошлом году в лесу.
- И тебе не было страшно?
- Нет, не было. Волки людей не трогают.
- Я знаю, так и дедушка говорит.

Ночью ко мне подошёл «Волчок». Я смотрю ему в глаза и вижу волка...

В небе ярко светит солнце. Антон, Ядвига и я сидим в тени под яблоней на разостланной дерюжке. Ядвига самая старшая из нас. Она учится в Киеве на учительницу и приезжает домой на целое лето.

- Как хорошо дома, даже уезжать не хочется, – говорит она грустно.
- А ты и не уезжай, – отвечаю я.

Она шутливо укоряет меня:

– А кто тебя учить будет? Ты же хочешь быть грамотным, не будешь ведь работать в артели как Антон.

– А может и буду, мне нравится артель, – говорю я положив руку Антона к себе на колени, трогаю мозоли на его ладони.

Антон работает в артели, где изготавливают колёса для телег. Артель эту основал наш дедушка Stanisław Sigmundowicz Stachowski. Вскоре о ней узнали далеко за пределами Полесья. Люди приезжали из дальних сёл и даже из других областей, чтобы заказать колёса в Верховесье у великого мастера Станислава Стаховского, который делал колёса для телег «без единого гвоздя».

Антон, не вставая, дотягивается до ветки, и на дерюжку падают красные яблоки.

– Это же малиновка! – Восторженно радуется Ядвига. Она берёт яблоко и поднеся к своему лицу гладит им свои губы. – А знаете ли вы, что этот сорт яблок существует уже более двухсот лет? Впервые их описал в 1845 году французский pomologist Лерой. Другие предполагают, что малиновка – сеянец персидской яблони...

Видя растерянность нашу, Ядвига смеётся:

- Чтобы знать всё это, нужно учиться.

Сад наш отгорожен от сельской дороги забором из длинных струганых жердей. С дороги во двор сворачивает телега с запряжёнными парой лошадей. Это наш отец возвращается с колхозной конюшни. До чего же красивые кони!

Колхоз даёт отцу лошадей в благодарность за учёбу детей в сельской школе. Антон помогает распрягать коней. Отец поглаживает их холки, протягивает к бархатным губам на ладони корки хлеба. Кони нет-нет да и норовят ткнуться губами в его лицо, оставляя густую пену на белой полотняной рубашке.

Я подбегаю к отцу. Он берёт меня на руки и высоко поднимает над своей головой:

– Ну что, сынок, поедем завтра сено косить?

– Поедем! Поедем!

Громко и радостно кричу я, прижимаясь к широкой груди отца. Вижу как ласково улыбается мать, стоя на пороге возле открытой двери.

Косьба начинается рано утром. Ещё свежо и мне зябко, но на телеге много сена. Усаживая меня, отец укрывает ноги дерюжкой. Сено пахучее, от него идёт тепло.

Я смотрю, как отец и Антон медленно, враскорячку идя друг за другом, кладут влево от себя скошенную траву. Блещут шуршащими косами и широкие пустые полосы оголяют землю.

Перед сном Антон пообещал мне:

– Завтра мы с хлопцами поведём колхозных лошадей в ночное и я дам тебе посидеть на «Орлике».

Я долго не мог уснуть и хотел, чтобы скорее наступило утро. Проснулся от громкого ржания:

Орлик!

Перед тем, как выехать со двора, Антон сажает меня на Орлика. Придерживая уздечкой Орлика, поглаживает его вздрагивающую холку.

– Не бойся, он же родственник наш...

Я тоже глажу шёлковую гриву Орлика, смотрю на его смеющийся большой глаз.

– Видишь, он уже тебя признал, – говорит Антон и протягивает Орлику сухарик.

– Вот подрастёшь и сам будешь водить его в ночное.

От радости я наклоняюсь к гриве Орлика и целую.

– А что вы делаете в ночном? – спрашиваю Антона, когда он ссаживает меня с Орлика на землю.

– Разжигаем костёр, рассказываем всякие истории. Я люблю лежать на траве и смотреть в ночное небо, на звёзды – их там миллионы... а тишина такая, что слышен каждый шорох в траве. Иногда и громкий сап какой-нибудь лошади. Это значит, что к ней подкралась ласка.

– И заплетает в её гриве косички, – говорю я.

Антон удивлённо спрашивает:

– А ты от кого узнал про ласку?

– Я слышал как дядя Мурга жаловался дедушке, что на конюшне появилась ласка и заплетает косички в гривах лошадей... А зачем она это делает?

– А никто не знает. Она очень хитрая и шустрая. Люди рассказывают, что она прыгает на спину лошади и слизывает соль с её шеи. Если лошадь послушна её желанию, она окружает её лаской, заплетая косички. Но если лошадь сопротивляется, ласка её мучает и тогда у лошади начинается сап. Она мечется в стойле, бьёт копытами землю.

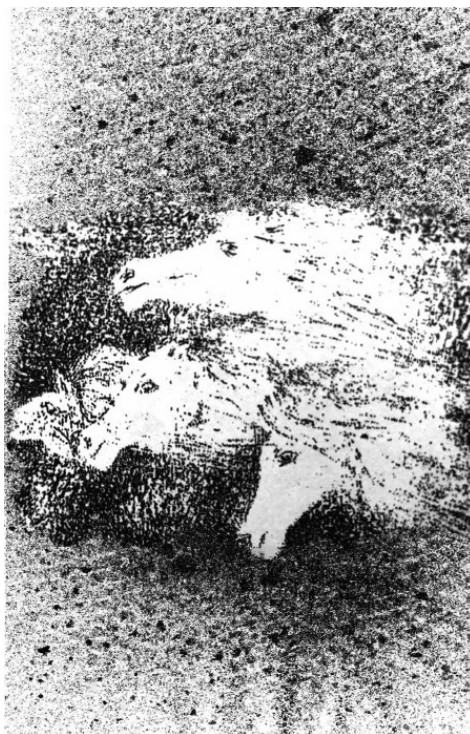
Сельские мальчишки постарше водили колхозных лошадей всё лето. И никаких сёдел, только уздечки!

Садись прямо на голую спину лошади и с криками, свистом неслись по убранному полю прямо к лугам. Больше радости нельзя было желать.

Возвращались из ночного с утренней росой. Матери выносили им парное молоко в глечиках.

Антон въезжает во двор, где я уже поджидаю Орлика. Я протягиваю Орлику ладонь с корочкой хлеба. Он аккуратно ухватывает её своими мягкими губами.

Я счастлив!

Как мне хочется, чтобы я скорее вырос, чтобы все увидели, как я сажусь на Орлика и со всеми мальчишками по широкой сельской улице мы скачем в ночное. Я даже метку сделал на дверях гвоздиком. Каждый день подхожу и прикладываю палочку к голове, чтобы она касалась метки.

Спрашиваю у дедушки:

– А что нужно делать, чтобы расти быстрее?

Дедушка смотрит на меня и усмехается в усы:

– Ну во первых, ты должен кушать всё, что даёт тебе мать. Ложиться во время спать, утром вставать и умываться. И, конечно, слушаться маму.

Утром я бегу к колодцу, там, в деревянном желобе вода, чистая как слеза. Снимаю рубашку, обливаюсь водой. Ко мне подбегает мать, в её руках большое льняное полотенце. Она вытирает мне грудь, спине.

– Вода же холодная, ты можешь простудиться!

Дни стоят тёплые и я играю с сельскими мальчишками «в войну». Обхватив ногами палку, мы «скачем галопом», изображая конницу Будённого и «польскую кавалерию». Никто из мальчишек кроме меня не хочет быть «польским уланом».

– Твой отец был уланом, и ты будь им, – кричали они мне, размахивая над головами камышовыми палочками-саблями. Я сшибал их палочки-сабли своей, потому что она была толще и длиннее. Следом стаями бежали собаки, заполняя улицу громким лаем вместе с нашими ура-а-а!

– Ну и кто же победил? – спрашивает дедушка, встречая меня у порога нашего дома.

– Польские уланы! И я был уланом, – отвечаю с гордостью, а потом спрашиваю:

– Дедушка, мой отец тоже был польским уланом?

– Был, внучек, только давно – ещё в двадцатые годы. Тогда конница маршала Тухачевского прорвалась к Варшаве и красные хотели захватить Польшу. Вот польские уланы и спасли её. Твои мама с отцом жили во Львове. Там была Польша, – вздыхает дедушка.

– Расскажи мне, как мой отец защищал Польшу от красных? Ну расскажи, дедушка.

– Когда-нибудь, внучек, расскажу. Сейчас не время, – ответил дедушка потирая слезящиеся глаза.

Я долго не мог уснуть. Сквозь окно пробивался тусклый свет, по стенам шевелились тени. Мне они казались польскими уланами. Среди них с саблей в руке мой отец. Он сражался с красными всадниками. Кони у всадников тоже красные. Из рта во все стороны разлетаются красные искры... Мне страшно, и я кричу.

Ко мне подбегает мать.

Дни и ночи проходят одни за другими. Слагаются в недели, месяцы. В тот год выдался богатый урожай жита. Убирать выезжали всей семьёй, собирались с раннего утра.

– Бронека возьмём с собой или оставим с дедушкой? – спросила Ядвига у отца.

– Как же я буду без помощника, – улыбается отец, берёт меня на руки.

– Будешь помогать, сынок?

– Буду! Ещё как буду! – радуюсь я, прижимаясь к отцу.

На ржаном поле мать усаживает меня на разостланном рядне возле копны, сложенной из снопов. Ставит возле меня кошёлки.

– Тут еда наша. Стереги от птичек, дорогой ты наш помощник.

Мне хорошо видно, как мать ловко взмахивая серпом, подминает густые стебли ржи. Ядвига, сдвинув на лоб запыленную белую косынку, не отстаёт от неё. Отец вместе с Антоном вьют снопы и укладывают «колодцем» в копу.

Сверху укрывают копу снопом потолще, словно шатром, раздвинув щетинистые нижние стебли.

К вечеру, уставшие и счастливые собираемся домой. Отец рассаживает нас в телеге на пахучее сено покрытое разноцветной дерюжкой. Ядвига и мать держат в руках кошёлки. Меня отец усаживает рядом с собой, на передке телеги. Одной рукой обнимает меня, прижимая к себе, в другую берёт вожжи.

Воронье бегут ровно, фыркая и встряхивая гривами от назойливых мух. Я с восторгом смотрю, как сверкающие на солнце подковы глотают убегающую из-под копыт дорогу.

Дома нас встречал дедушка. Въезжая во двор, замечаем на небе чёрную тучу громко каркающих ворон. Их так много, что даже неба не видно.

– Опять вороны тучи. И всегда с одной стороны, от Чернобыля, жди беды, – говорит мать ставя на землю кошёлку.

Ядвига, не отрываясь, смотрит на небо:

– С тех пор, как мы переехали сюда из Львова только и слышу: Чернобыль – беда. Чернобыль, жди беды... Почему этот город называют Чернобылем? Чернобыль – это же трава, полынь. Какой беды оттуда можно ждать, до Чернобыля сорок километров. Рассказывают какие-то небылицы, да ещё и крестятся при этом.

Ядвига подошла к дедушке, положила ему руки на худенькие плечи.

– Может Вы, дедушка, знаете, про какую такую беду говорят на селе?

Дедушка раскуривал свою трубку и, поглядывая на вороны тучи, задумчиво проговорил:

– В тех местах издавна живёт легенда, а может и быль. Жили там хорошие люди долго и счастливо, много веков жили. А потом пришли плохие и случилась большая беда – все погибли. В народе она живёт как «ЧЁРНАЯ БЫЛЬ».

Я хорошо помню, что моя душа в тот момент была встревожена чем-то неведомым, пугающим...

Польская дорога

Они приехали в село на рассвете. Машина, крытая брезентом, остановилась напротив нашего дома. Из неё вышли двое солдат и офицер в синих галифе и синей фуражке со звездой.

Ядвига с матерью развешивали бельё на верёвках. Я стоял у корыта, в котором было сложено бельё и видел, как офицер говорил что-то солдатам, показывая на наш дом. Побежал к отцу. Отец и дедушка смотрели в окно. Они всё видели. Отец взял меня на руки, стал ходить по комнате. Встревоженные вбежали Ядвига с матерью. Отец сказал им:

– Что бы со мной ни случилось – берегите себя.

Дедушка подошёл к отцу, тихо произнес:

– Вот и до нас добрались, сынок.

Дверь распахнулась, вошли двое солдат и офицер. Он расстегнул висящую через плечо сумку, достал из неё лист бумаги, громко произнёс:

– Я – уполномоченный НКВД! Сообщаю, что вы гражданин Стаховский арестованы, как враг советской власти и будете отправлены в лагерь для военнопленных польской армии, воевавших против нашего народа. Вы тоже, – он резко развернулся к матери и Ядвиге, – отправитесь в лагерь, как члены семьи врага народа.

Затем толкнул сапогом дверь в нашу с Антоном комнату.

– Вижу, не все дома. Ну да ничего, подберём позже. Как видишь, никуда твоим сыновьям от нас не скрыться, – зловеще ухмыляясь, добавил, – Роману Стаховскому тоже, до него уже подошла очередь. Дедушка при этих словах вздрогнул и опустился на лавку у стены.

Задержав взгляд на мне, сказал дедушке:

– Заберёте мальчика к себе. Потом о нём позаботится Советская власть.

Его бесцветные близко посаженные глаза выражали злобу и торжество. Из-под козырька синей фуражки выглядывал низкий лоб и рыжие кустистые брови. Он подошёл к сундуку и рывком поднял крышку. Заглянув во внутрь, стал выбрасывать на пол всё, что было в сундуке, намеренно становясь сапогами на чистое бельё, одежду. Неожиданно лицо его злорадно исказилось. В руке оказалась конфедератка.

– Пан застемповый надеялся, что ещё пригодится, – злобно произнёс уполномоченный. А ведь действительно пригодилась. Ты её сейчас оденешь и в путь-дорогу! Это будет твоя последняя польская дорога в твоё светлое будущее!

Солдаты стояли у двери ведущей в сени, прислонив винтовки к стене, наблюдая за действиями своего начальника.

– Фролов! Выйди во двор, осмотри гумно, сарай. Проверь там всё, – приказал уполномоченный одному из солдат. Солдат, что поменьше ростом, взяв винтовку вышел. Со двора послышались рычания и громкий лай Волчка.

– Еременко! Выйди и успокой пса, – приказал уполномоченный другому солдату, добавил в спину:

– Успокой навсегда! И смотри, чтоб никто из соседей не подходили к дому.

Через минуту во дворе раздался выстрел и жалобный визг Волчка. Потом наступила тишина.

– Собака тоже оказалась «врагом народа, – взглянув с презрением на уполномоченного сказала Ядвига

– Отпустите жену и дочку. Меня можете забрать и делать со мной всё, что вам приказали, – сказал отец, застегивая верхнюю пуговицу на своей полотняной сорочке.

– Умный, значит. Знаешь даже что нам приказано, – уполномоченный достал из кармана галифе портсигар, вынул папиросу. Прикурив от зажигалки, подошёл вплотную к отцу. Выпустив изо рта дым прямо ему в лицо, произнес ехидно:

– В восемнадцатом во Львов въехал польским уланом, а теперь сельским хозяйством решил заняться – землю пахать, думал затеряешься, – он зловеще повысил голос, – а брата решил отправить на Донбасс, чтобы он среди шахтеров затерялся, не получилось! До него тоже очередь дошла, – самодовольно ухмыляясь добавил:

– От НКВД никто и нигде не спрячется! Мы всегда и везде находим наших врагов!

Отец спокойно ответил:

– Прежде, чем стать уланом польской армии, куда меня мобилизовали принудительно как и других поляков, я учил грамоте сельских детей – украинцев, русских. А что касается пахать землю, граф Толстой тоже любил пахать землю. Своим плугом и конечно свою землю.

– Да, учил польских детей как убивать советских граждан! А как убивал красноармейцев Тухачевского под Варшавой, помнишь?

– Тухачевский шёл со своей дивизией, чтобы захватить Варшаву и Польшу, чтобы превратить поляков в рабов, как вы превратили свой народ. Но поляки вам не позволили и никогда не позволят, – сказал отец твёрдым голосом.

– А брат мой уехал на Донбасс, чтобы заработать и семью прокормить.

Мать протянула руки к уполномоченному:

– Не берите грех на душу, вы ещё так молоды и у вас будут свои дети! Зачем вам людские проклятья!

Ядвига обняла мать.

– Мамо, перестаньте! Они были прокляты, когда расстреляли своего царя Божьего помазанника и всю его семью! Они загубили миллионы своих сограждан! Неужели Вы думаете, мамо, что для них что-то значит человеческая жизнь!

Ядвига произнесла эти слова громко, стоя напротив уполномоченного, гордо вскинув голову, глядя ему прямо в глаза.

От неожиданности уполномоченный отступил на два шага и потянулся к кабуре за наганом.

– Я вас не боюсь! Можете меня расстрелять прямо здесь, не обязательно куда-то увозить, – сказала Ядвига.

Вбежала тётя Кристина. Она передала дедушке лист бумаги. Ей стало плохо. Она опустилась на пол и громко зарыдала. Дедушка подошёл к уполномоченному, протянул ему листок:

– Вот, возьмите. Это грамота от советской власти, мы не враги вам.

Уполномоченный пренебрежительно двумя пальцами взял листок, равнодушно прочитал его и проговорил:

– Ну что ж, Станислав Стаховский, не зря люди говорят, что вы делаете колёса для телег без единого гвоздя. Советская власть благодарит вас за это. Вы должны оправдать её доверие и делать как можно больше колёс. Они сейчас очень нужны нашим колхозам.

Уполномоченный вынул портсигар из кармана галифе. Достал папиросу и подойдя вплотную к отцу ехидно произнёс:

– А когда в колёсах необходимость отпадёт, твой отец присоединится к тебе, если конечно ты его дождёшься.

Тоном приказа скомандовал:

– А сейчас во двор к машине!

Возле машины наготове стояли солдаты.

– Чего рты разинули! Быстро загружайте!

На улице уже собрались соседи. Женщины плакали прижимая к себе детей...

– Вот и наступила жестокая тишина, – тихо произнёс дедушка, когда мы все вернулись в дом после того, как крытая машина скрылась в конце дороги, ведущей в сторону Чернобыля.

– Будь они прокляты! Пусть покарает их небесная сила!

Тётя Кристина кричала так громко, что стоявшие на улице возле своих домов люди повторяли её слова:

Будут прокляты!

Будут прокляты!

Будут прокляты!

– Так и будет, – тихо сказал дедушка...

Всю жизнь я храню в своей памяти мельчайшие подробности того дня, хотя глаза мои застилали слёзы и я видел всё происходящее словно в тумане, наполненном страхом и отчаянием.

Пройдёт время и моя сестра Ядвига дополнит мою память своим рассказом о том, как она осталась жива и что стало с нашими отцом и матерью.

Война

Мы все: дедушка, Кристина и я сидим в погребе, тесно прижавшись друг к другу. Я у тёти Кристины на руках, слышу, как стучит её сердце. Сверху на головы нам сыпется песок, слышны взрывы.

Наверху война...

Когда над селом пролетают самолёты, в большой комнате трясётся большой шкаф, в буфете звенят тарелки. И всё же по улице ходят люди, в небе светит солнце, летают птицы. Во дворах коровы, гуси, куры.

Жизнь идёт своим чередом.

Проходили дни, недели, месяцы. Красная армия отступала. Солдаты шли по улице, измождённые, хмурые.

За солдатами на машинах ехали военные в синих фуражках и синих галифе. Они спешно выскакивали из машин, заглядывали во все дворы. Забирали мешки с мукой, картошку, капусту.

– Берем для нужд Красной армии, – сурово сказал военный в синей фуражке с портупеей через плечо вышедшим из дома дедушке и Кристине, – приказал:

– Открывайте сарай!

Солдаты выводили лошадь к стоящей во дворе телеге.

– Вы отходите, немцы придут! Кто же нас защищать будет!

И как же мы без лошади? – пыталась уговорить военного Кристина.

– Немцы вас не тронут, а мы скоро вернёмся, – с явной угрозой закричал:

– Вам понятно, гражданка? Идите в дом и не высовывайтесь, пока мы не закончим.

Закончили они быстро. Забрали из сарая всё что увидели. Свинью и поросят забили прямо в сарае. Уложив всё на телегу, уехали оставив дворы сельчан опустошёнными. Как оказалось на целых три года...

– Это же энкеведэ, от них ничего не спрячешь!

– Скорее, пулю в лоб получишь! – возмущённо переговаривались люди.

– Когда немцы придут, забирать уже будет нечего, – вздыхали женщины.

В небе больше не гудят самолёты, а если и гудят, то где – то совсем в стороне и очень высоко в небе.

– На Киев летят, – уверенно замечает дедушка.

Мы больше не прячемся в погребе. О войне напоминают растянувшиеся по распаханной земле гусеницы «разутого» немецкого танка, зловеще поблескивающие даже в пасмурную погоду. Сам танк с чёрно-белыми крестами на башне серой громадой застыл за огородом, уткнувшись дулом в землю.

– Как жить теперь, что с нами всеми будет? Немец править будет, или советы вернутся?

– Хотите, чтоб советы вернулись? Вспомните, сколько поляков они отправили в Сибирь! Живыми никто не вернулся!

– Один вернулся – Сильвестр Жаховский! Прожил всего месяц и умер от чахотки!

– А голодовку забыли! Сколько людей умерло в тот год!

– А как Казимира Стаховского, Ганну и Ядвигу забирали! Запихивали прикладами в свою душегубку и увезли в Чернобыль!

– Боже! Спаси их души!

Такие разговоры вели между собой люди на селе.

Советская власть была где-то далеко, но никто не жалел о ней. Советская власть для всех была символом горя, страданий, бедности, голода, страха и смерти...

Немцы, кто они

Немцы в селе появились неожиданно. Почему-то было совсем не страшно.

Первыми ехали мотоциклисты. За мотоциклистами легковая машина с откидным верхом и позади грузовик с солдатами.

На середине улицы, напротив сельсовета колонна остановилась. Люди стали выходить из своих дворов, с любопытством, без страха разглядывали немцев, негромко переговаривались. Из легковой машины вышел офицер в красивой форме. Сняв фуражку с высокой тульей, передал её подбежавшему солдату-шоферу.

Офицер потянулся, присел на полусогнутых коленях, весело посмотрел на стоящих сельчан. Мужчина в гражданском костюме, приехавший вместе с офицером в легковой машине, что-то стал говорить офицеру на немецком, они громко засмеялись. Офицер снял с руки перчатку и помахал ею в сторону сельчан, приглашая их подойти поближе:

– Комм, комм...

Мужчина в гражданском, приветливо улыбаясь, подошёл ближе к сельчанам:

– Я уполномоченный бургомистра по вашему району и хочу от имени бургомистра и военного коменданта вам передать, – голос уполномоченного стал громче:

– Доблестная германская армия пришла освободить вас навсегда от большевистского рабства! Дать возможность каждому из вас жить и трудиться во благо своей семьи! Трудиться на собственной земле, не боясь быть поработочными кровавым тираном Сталиным!

Сельчане слушали молча, переглядывались.

– Сейчас мы с господином комендантом познакомим вас со старостой, который будет представлять ваши интересы перед новой властью. В это время из коляски одного из мотоциклов выбрался пожилой мужчина в сером пиджаке и таких же брюках заправленных в сапоги.

Подойдя к немецкому офицеру, он слегка поклонился и неожиданно громким голосом произнёс:

– Драпая от доблестной германской армии, советы забрали у вас последнее, обрекая вас и детей ваших на голод! Но отныне вы будете трудиться на своей земле. А германская армия и наша доблестная украинская полиция будут для вас надёжной защитой. Я обещаю вам защищать честно и бескорыстно ваши права и обязанности перед новой властью, нашей с вами властью.

Произнеся эти слова, мужчина встал рядом с уполномоченным бургомистра.

– Это же сам Адам Сушкевич!

– Бывший председатель сельсовета!

Прозвучали в толпе громкие голоса.

– Его же арестовали ЭНКАВЭДЭ в тридцать седьмом!

– Ну да, за вредительство.

– За то, что разрешал нам собирать колоски в поле!

– Чтоб с голоду детки наши не умирали!

– И коней давал, чтоб огород вспахать!

– Ну вот и хорошо, – сказал уполномоченный, – вы знаете как Сушкевич пострадал от советской власти. Я со своей стороны, как представитель новой власти, буду оказывать вашему старосте всяческую поддержку. Немецкое командование выделит для вашего села необходимый инвентарь, технику и лошадей для ведения хозяйства, которое теперь будет называться «ОБЩИЙ ДВОР». А также выдаст денежное пособие каждому жителю села. Так настоял ваш староста и немецкие власти пошли ему на встречу. Уполномоченный бургомистра вернулся к военному коменданту. Выслушав его, предложил стоявшей среди сельчан женщине с маленькой девочкой:

– Подойдите с девочкой к господину коменданту, не бойтесь. Когда женщина подошла к коменданту, тот взял протянутый ему подбежавшим солдатом пакет и протянул его девочке:

– Это подарок от господина коменданта, – сказал улыбаясь уполномоченный бургомистра. И повернувшись к старосте произнёс:

– Господин комендант надеется, что вы оправдаете оказанное вам доверие на благо Великой Германии.

Жизнь на селе стала налаживаться.

Из райцентра пригнали трактор и молотилку. Брошенную при отступлении Красной армии полуторку, привёл в порядок местный умелец Загныба. Через месяц на ней, по разнарядке из управы, со всех дворов свозили на станцию для отправки в Германию свиней. Разнарядка зависела от уполномоченного по заготовкам и заслуга старосты была в том, чтобы уполномоченный оставался доволен выполненной разнарядкой, а сельчане были обеспечены на целый год собранным урожаем.

На собрании староста Сушкевич сообщил:

– Все вы знаете, что немецкое командование оставило колхозное хозяйство в том виде, в каком оно было при советах. Только теперь называться оно будет «ОБЩИЙ ДВОР», что для нас подходит больше. На свои личные хозяйства, какие теперь есть у всех вас, мы получили права только благодаря тому, что выполнили план по заготовкам натуральными поставками-зерном, мясом молоком. Если мы будем и дальше выполнять свои обязательства, то ваши личные хозяйства будут ещё крепче и богаче. Не то, что было при советской власти, которая нещадно эксплуатировала ваш труд за копеечные трудодни! А о своём хозяйстве нам даже думать было запрещено!

Всё это Кристина рассказывает дедушке. Она была на этом собрании и видела, с каким вниманием и благодарностью люди слушали старосту.

– Сушкевич привёз жену свою Ганну и дочь Марысю. Они же уехали из села сразу как только Сушкевича арестовали. Никто не знал где они. Марыся красавицей стала, – Кристина не скрывала своего восторга. Увидев, что дедушка нахмурился, подошла к нему и прижала свою голову к его груди.

– Сушкевич пригласил меня в дом, они пока живут в сельсовете и мы немножко посидели, поговорили. Сушкевич знает про наше горе, очень сочувствует нам. Вам большой привет передали и приглашают нас в гости. Я сказала, что мы будем рады навестить их.

В один из солнечных дней, ближе к вечеру мы пришли в гости к Сушкевичам. Втроём – дедушка, Кристина и я. Меня взяли с собой потому, что об этом попросила Марыся. Оказывается дедушка и Сушкевич давно знали друг друга. Ещё даже до прихода советской власти.

– А помните, Станислав Сигизмундович, как мы первыми в районе «КЕРЗОНА» получили для распашки поля под яровые?

– Конечно помню, – сказал дедушка.

– Вы же тогда предложили приспособить его к молотилке и вместе с Мургой всё отладили.

Дедушка и Сушкевич ещё долго вспоминали былые времена. Кристина с Ганной тоже вспомнили свою молодость. Я сидел рядом с Марысей и она гладила мою голову. Рука у неё тёплая и нежная.

«Какая она красивая», – думал я. Но мне почему-то было жаль её и даже хотелось плакать. Наверное душа моя была уже готова к тому, что потом случилось...

Нас теперь в доме трое: дедушка, Кристина и я. У дедушки ещё есть один сын, самый младший, Роман. Перед войной он женился на родной сестре моей матери. Потом уехал на заработки на Донбасс да так и застрял там. Аняте, жене своей, каждый месяц присылал деньги с наказом сберечь их до его приезда.

– Вернётся, тогда и потратим, – говорила она дедушке.

Дедушка часто доставал из сундука коробку, в которой хранилось письмо от дяди Романа и просил Кристину прочесть его. Кристина читала вслух почти наизусть выученное письмо. Оно было длинное, с подробным описанием шахтерской жизни, но я запомнил почему-то именно эти слова:

«Отец, Вы не переживайте за меня. Вот заработаю денег и мы построим для нас с Анятой дом, рядом с Вашим и братовым. И обязательно покроем бляхой, как у Вас. А ещё я куплю коня, серого в яблоках. Он мне даже снится по ночам»...

А дальше от дяди Романа не было никаких вестей. Анята заболела и вскоре умерла. От Горя...

И только после войны тётя Цезя узнала, что он жив. Дядю Романа успели предупредить добрые люди на шахте о повсеместно проводимых репрессиях против поляков. Так спасли его от НКВД. Они же помогли ему попасть в Войско Польское, формировавшееся на территории СССР. Роман Стаховский воевал в его составе до конца войны, дошел до Берлина. После войны остался в Польше, женился. Польское правительство выделило ему, как участнику войны, в собственность землю и дом на возвращенной Польше территории. Место это называется Жары, недалеко от Зелёной Гуры. Забегая далеко вперёд, вспоминаю свою встречу с ним. В 1987 году я получил приглашение от его старшей дочери Целестины и приехал в Польшу.

У дяди Романа шестеро детей – пять дочерей и один сын. Ничего этого дедушка уже не мог знать, он умер сохраняя в памяти лишь письмо от дяди Романа.

– Что ж, Бронек, будем молиться нашей Матери Божьей и ждать её милости.

Тётя Кристина называет поимённо моих отца и мать, сестру Ядвигу и брата Антона, дядю Романа. Молится долго, потом обнимает меня, прижимает к себе. Мне хочется плакать, но слёзы не текут. Я ими давлюсь...

Дни по прежнему сменяются неделями, месяцами. Мне приснился сон: во дворе, возле нашего дома «весилле». За большим деревянным столом сидит много людей. Во главе стола «молодые», мой дядя Роман и красивая невеста. На другом конце, на лавке – музыканты. Танцуют «карапет», быструю полечку «с каблучком». Среди танцующих мой отец и мама. На отце белая рубашка и тёмные брюки, заправленные в хромовые сапоги. Он пристукивает каблуками, красиво откидывая правую ногу под звуки бубна. Мама веселая, громко смеётся.

Я рассказываю дедушке про свой сон.

– Это, внучек, ты видел во сне то, что было наяву. Ты был совсем маленький, но запомнил. Ох как танцевал твой отец!

– А как играл на органе в нашем костеле, душа замирала, – подхватила разговор Кристина, – люди слушали и как будто с Богом разговаривали.

Кристина крестится на образа. По щекам дедушки ручейком стекают слёзы.

Любимое место дедушки зимой возле большой белой печи, вдоль которой широкий лежак из дубовых досок. Дедушка его сделал сам и отдыхает на нём с неизменной трубкой во рту. Встаёт дедушка очень рано. Садится на табуретку и подгоняет заготовленные для маслоек клепки. Потом стягивает клепки обручами из лозы и маслобойка готова. Дедушкины маслобойки пользуются большим спросом. Заказать их приезжают люди даже из дальних сёл. Так дедушка зарабатывает, чтобы прокормить нас. Но ему с каждым днём всё тяжелее делать эту работу. Засыпает он, когда на дворе уже совсем темно, сидя на лежаке. Кристина вынимает у него изо рта трубку и кладёт в туесок рядом с кисетом.

Утром к нам приехал староста Сушкевич. Кристина открыла ему дверь и пригласила к столу:

– Присаживайтесь, у меня как раз вареники готовы.

Сушкевич снял картуз и, подойдя к дедушке сказал:

– Станислав Сигизмундович, Вы знаете, как я уважаю Вас и сочувствую горю Вашему. Потерять таких сыновей. И всё эта проклятая людьми и Богом советская власть, – староста потёр затылок и глядя в сторону проговорил, испытывая неловкость:

– Война вторглась в нашу жизнь, приходится многое терпеть, – он обвёл взглядом комнату, – ну хотя бы для того, чтобы эта проклятая власть не вернулась, – и произнёс уже громче:

– Из Управы пришло распоряжение, разместить на какое-то время двух немецких офицеров, которые будут руководить вывозом техники, брошенной Красной армией на шляху, да и в поле нашем. Возможно и заминированную, а ведь нам нужно работать в поле. В распоряжении сказано – в лучшем доме. Сами понимаете, лучше вашего дома в селе нет.

И сейчас наш дом разделён на две половины, с отдельным входом со стороны сада.

В большой комнате с дубовыми полами до блеска натёртыми воском, живут немецкие унтер-офицеры Курт и Ганс. Другие немецкие солдаты живут в соседнем доме, хозяева которого уехали перед самой войной на заработки в Донбасс. Солдаты под командой Курта и Ганса подбирают на полях брошенную Красной армией технику: разбитые пушки, танки, всё что из железа и на тягачах увозят на железнодорожную станцию. У них ещё есть бельгийские тяжёлые

– У лошадей этих копыта, как дно цебрика¹, а колёса у телег на резиновом ходу, как у машин, – рассказывает дедушка увидевший, как работают немцы.

– Вот бы нам такие колёса, – восторженно говорю я.

Дедушка покачал головой.

– Видишь ли, внучек, нам эти колёса ни к чему. Немцы делали их под свои дороги, под Европу. А у них там все дороги камнем уложены и колёса ихние катятся по ним легко и скоро. Я всё это видел в первую германскую войну, когда был в плену в ихней Германии.

---

¹ Цебрик – деревянное ведро.

– Ты тоже воевал дедушка?

– Пришлось повоевать. Всех пожилых мужчин из наших сёл мобилизовали для военных обозов. Даже со своими лошадьми и отправили нас в Белоруссию. Так и я попал на войну. Наш корпус был окружён немцами в районе сёл Каплановцы и Ратичи. Это примерно в тридцати километрах от Гродно. Вот тогда я и увидел, как их телеги на резиновом ходу, ставшие нашими трофеями, вязли в слякотном бездорожье. Я тогда предложил командиру поставить на телегах наши деревянные колёса. Тонкие, лёгкие они разрезают грязь и песок словно ножом. И лошадям легко везти гружёную доверху телегу. Командование согласилось с моим предложением. Вместо трофейных германских колёс мы поставили наши деревянные. Меня тогда наградили «Георгием». А потом мы старики-обозники, как и многие солдаты, попали в плен к немцам.

– Дедушка, расскажи про немцев.

– А что про них рассказывать, немец он и есть немец. Что тогда, что сейчас. Даже песня у них та же, – дедушка чему-то улыбнулся.

– Немцы слушали эту песню в своих траншеях на граммофоне, а мы в своих окопах... А когда немцев выбили из их траншей, солдаты нашли граммофон и пластинку. Прапорщик сказал:

– Песня эта называется «Лили Марлен» – это прощальная песня немецкого солдата со своей невестой.

Чтобы отдохнуть от стрельбы, наши солдаты по ночам выставляли перед окопом граммофон, ставили пластинку.

И немцы прекращали стрельбу, слушали песню. Мы, обозники, в это время увозили с передовой раненных. На следующий день, когда наш обоз со снарядами подъехал к передовой, немцы пошли в наступление и мы оказались в плену.

Дедушка шурится, успокаивающе смотрит на меня и продолжает свой рассказ:

– Та война была другая, хоть и Мировая. А эта война захватническая и для немцев она станет последней.

Дедушка кивнул в сторону Курта и Ганса, сидящих у открытого окна.

– Вот и эти слушают свою песню, домой хотят к своим марленам.

– Дедушка, а ты можешь говорить по-немецки?

– Понимать, понимаю, но говорить не хочу. Не люблю ихний язык.

– А Курт и Ганс хорошие немцы, не то что эти, в синих фуражках, – говорю я дедушке, – немцев я не боюсь, а тех, что всё забрали у нас, боюсь и все люди их боятся.

– Это НКВД, у них такая служба, чтобы все им беспрекословно повиновались, – ответил дедушка.

– Повиновались, как мой отец и мать! Их увезли, чтобы убить! Где они теперь? Мамочка моя-а-а-а!

Задыхаясь от слёз, я выбегаю во двор, слышу дедушкины слова:

– Поплачь, поплачь...

У Курта и Ганса в комнате патефон. Иногда они выставляют его в открытом окне на подоконнике и в тишине разносится песня. Не понимая немецких слов, я хотел слушать её каждый день долго-долго.

Только через много лет, когда ложь о немцах заслонит правда, я пойму, почему так брала за душу эта прощальная песня немецкого солдата.

А ещё Курт и Ганс слушают наши песни:

*На закате ходит парень,
Возле дома моего...*

Каждое утро обливаются холодной водой из колодца. Выхватывают друг у друга ведро с водой, бегают по двору, громко кричат что-то на немецком. Мы с Тадеушем, сыном нашего соседа, наблюдаем за ними, лежа на сеновале в хлеву.

Продукты для немцев привозят из города, но Курт и Ганс просят Кристину варить им борщ. Долго потом выговаривают:

– Пасипо, Кристин! Порш карашо! Гут!

Кристине дают тушёнку, а мне шоколадку. Она убирает их комнату и я могу войти и посмотреть. Там всё аккуратно разложено. На этажерке фотографии двух женщин, наверное их жёны. В Шкафу висят мундиры с красивыми нашивками и приятно пахнет.

Когда Курт или Ганс выезжают на грузовике в город, то приглашают сельчан. Подсаживая их в кузов, приветливо улыбаются. Из города сельчане возвращаются к концу дня на том же грузовике. Курт помогает им высаживаться из кузова и весело смеётся, подхватывая женщин. На следующий день две женщины приносят им сметану и молоко. Курт и Ганс радуются угощениям и выносят женщинам консервы, сахар, спички, сигареты – то, чего у них нет.

В саду под старой грушей-дичкой стоит деревянный стол. Дедушка на нём готовит себе табак для трубки. Я стою рядом и наблюдаю.

Вначале дедушка укладывает подсушенные листья табака, потом мелко нарезает их и сгребаёт со стола в туесок из бересты. Затем нарезает мелко корешки от листьев и тоже высыпает в туесок.

К столу подошли Курт и Ганс и с интересом смотрят, как дедушка готовит табак. Дедушка что-то сказал по-немецки и Ганс пошел к дому, смеясь и произнося какие-то слова. Через минуту он вернулся с газетой в руке и протянул её. Дедушка не спеша оторвал квадратик. Аккуратно разглаживая его, насыпал щепотку табака. Зажимая пальцами, послонявив – завернул в трубочку. Достал спички и, прикурив, с наслаждением стал затягиваться. Потом протянул самокрутку Гансу. Тот осторожно взял её и тоже затянулся. Вдруг глаза его закатились, он громко закашлял и тут же вернул самокрутку. Дедушка, весело шурясь, затягивался и выпускал дым прямо на Ганса, глядя на его изумлённое лицо. Ганс, кашляя и вытирая слёзы, восклицал что-то на немецком Курту. Оба громко хохотали, показывая пальцами на дедушку.

– Тебе, чёртов немец, не понять, что такое настоящий табак, – сказал дедушка.

Когда пришла пора убирать урожай, всем селом вышли в поле, чтобы успеть к дождям. Кристина и дедушка взяли меня с собой.

Неожиданно, в поле на своих битюгах-тяжеловозах приехали Курт и Ганс с солдатами. Они свозили снопы к молотилке, работали вместе с сельчанами на току. Вечером, тут же на току устроили танцы под гармошку.

Вскоре Курт и Ганс со своими солдатами закончили работы. Вывезли всю брошенную технику на станцию, разминировали поле. Уезжали из села совсем рано, но во дворах уже собрались люди.

Курт и Ганс вышли из машины и, сняв пилотки, молча смотрели на собравшихся людей. Люди тоже молча смотрели на чужих солдат и не расходились, пока машины не скрылись за селом.

Нам Курт и Ганс оставили патефон и одну пластинку. На конверте пластинки была надпись:

«Спасипо, Кристин»

Кристина достаёт из конверта пластинку, которую всегда слушали Курт и Ганс. Заводит ручкой патефон. Слова непонятные мне, да мне и не нужно. Звучит мелодия от которой сжимается в груди, а глаза застилают слёзы и мне почему-то всех жалко.

Пластинка перестаёт вращаться и я прошу:

– Поставь ещё, тётя Кристина, мне она так нравится!

– Нет, Бронек, эту песню ты должен забыть. Нельзя нам её слушать, её слушали немцы, а нам нельзя. Соседи услышат и тогда...

В это время в сенях раздался стук и чьи-то шаги. Звякнула лямка в дверях и вошла соседка Марыся Ковальска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.